

Записки о Шерлоке Холмсе

Захватывающие рассказы о приключениях величайшего сыщика всех времен!

Зловещие запутанные преступления и самые невероятные загадки по плечу гениальному детективу Шерлоку Холмсу и его верному другу доктору Ватсону.

Куда исчез фаворит предстоящих скачек жеребец Серебряный и кто убил его тренера? Кто пытается разлучить счастливых супругов Мунро и что за ужасное лицо появляется в окне соседнего дома? В какую аферу оказался вовлечен незадачливый биржевой маклер? Что делали таинственные гости из России в комнате пациента доктора Тревельяна? С помощью дедуктивного метода знаменитый Шерлок Холмс ответит на любые вопросы...

Библиотека приключений

А. Конан Дойл
**ЗАПИСКИ
о ШЕРЛОКЕ
ХОЛМСЕ**

СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

✦ Библиотека приключений

✦ Библиотека приключений

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КЛУБ СЕМЕЙНОГО ДОСУГА
Харьков
2012

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

2013

ISBN 978-966-14-7433-7 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

Дойл А. К.

Д62 Записки о Шерлоке Холмсе [Текст] / предисл. А. Климова ;
оформл. серии М. Курдюмова ; худож. Н. Калинина. — Харьков :
Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2012. — 240 с. : ил. —
(Серия «Библиотека приключений»).

ISBN 978-966-14-0560-7 (серия).

ISBN 978-966-14-0659-8 (Украина) (доп. тир.).

ББК 84.4ВЕЛ

Перевод с английского:

«The Memoirs of Sherlock Holmes» by Arthur Conan Doyle

Переводчик *Виталий Михалюк*

В оформлении обложки использована иллюстрация Михаила

Курдюмова

Оформление серии *Михаила Курдюмова*

Художник *Наталья Калинина*

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2010, 2012

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2010

Человек на все времена

Создатель образа великого детектива Шерлока Холмса говорил, что терпеть не может своего героя, называл рассказы о нем «чтивом» и наконец решил отделаться от него. В рассказе «Последнее дело Холмса» он «прикончил» сыщика в схватке со злодеем Мориарти. Но не тут-то было — на писателя обрушился шквал возмущенных читательских писем, за Холмса вступились даже члены королевской семьи, и знаменитого сыщика пришлось «воскресить».

Артур Конан Дойл написал более семидесяти книг. Это рассказы, повести, романы — исторические, бытовые, приключенческие, фантастические, путевые очерки, труды по истории Первой мировой войны, книга воспоминаний и даже стихи.

Молодому Конан Дойлу пришлось взять на себя заботу о семье, и он выбрал карьеру врача. Еще на третьем курсе ему удалось опубликовать несколько рассказов. В 1880 году он провел семь месяцев в арктических водах на борту китобойного судна «Надежда», а еще через два года отправился на борту парохода «Маюмба» к берегам Западной Африки. В 1891 году Дойл решил сделать занятия литературой своей основной профессией.

В качестве хирурга Конан Дойл участвовал в англо-бурской войне. За книгу «Война в Южной Африке» он был удостоен дворянского звания и рыцарского титула. Новую славу писателю принесло так называемое «дело Эдалджи». Молодого выходца из Индии осудили по фальшивому обвинению. Конан Дойл разобрался в тонкостях дела и в серии газетных статей доказал невиновность Эдалджи.

Во время Первой мировой войны погибли сын, брат, два племянника, зять и брат жены Конан Дойла. От страшного потрясения писатель так и не оправился. Единственная книга, написанная им после войны, — автобиография «Воспоминания и приключения сэра Артура Конан Дойла» (1924).

В чем же секрет неслыханной популярности Шерлока Холмса? Прежде всего, в уникальном сочетании благородства и бескорыстия,

гуманности и стремления к справедливости, внутренней свободы и дисциплины мысли, огромных знаний. Холмс — живая, цельная личность с богатым воображением и глубокой проницательностью, знаток человеческого сердца. А рядом с ним неизменно находится доктор Ватсон — воплощение здравого смысла и простодушия, настолько же не похожий на знаменитого сыщика, как лед не похож на пламя.

У Конан Дойла нередко спрашивали — кто же он сам, Шерлок Холмс или доктор Ватсон, на что писатель отвечал: ни тот, ни другой по отдельности, но оба вместе.

Артур Конан Дойл считал, что литература должна быть понятной, увлекательной и умной. Даже самым выдающимся авторам не всегда удавалось выдержать все условия. В меру своих сил Конан Дойл следовал всем трем требованиям. Вот почему книги этого блестящего мастера захватывающего сюжета и интриги до сих пор любят и ценят на всех континентах.

Серебряный

— Боюсь, Ватсон, мне придется уехать, — сказал однажды утром Шерлок Холмс, когда мы сели завтракать.

— Уехать? А куда вы собираетесь?

— В Дартмур, в Кингс-Пайленд.

Признаться, меня это вовсе не удивило. До сих пор я терялся в догадках, почему это мой друг не принимает участия в расследовании сенсационного дела, которое взбудоражило всю Англию. В последнее время он только и делал, что расхаживал взад-вперед по нашей гостиной, с хмурым видом глядя в пол и дымя трубкой. На любые попытки втянуть его в разговор Холмс просто не обращал внимания. Впрочем, каким бы замкнутым и молчаливым он ни был, я прекрасно понимал, о чем мой друг так напряженно размышляет. В те дни у всех на устах было загадочное исчезновение лошади, считавшейся фаворитом Кубка Уэссекса, и жестокое убийство ее тренера. Так что когда Холмс объявил о своем намерении съездить туда, где развернулась эта драма, я, можно сказать, вздохнул с облегчением.

— Знаете, я бы с удовольствием составил вам компанию, если, конечно, это не помешает вашим планам, — сказал я.

— Дорогой Ватсон, вы окажете мне честь. И я думаю, ваше время не будет потрачено впустую, поскольку дело это представляется мне единственным в своем роде. Мы, кажется, успеваем на вокзал Паддингтон на нужный поезд. Едем, по пути я подробнее расскажу вам о деле. И захватите ваш полевой бинокль.

Вот так и получилось, что уже через час мы с Шерлоком Холмсом сидели в вагоне поезда, который мчал нас в Эксетер. Мой друг углубился в изучение свежих газет, и мне почти не было видно сосредоточенного лица Холмса из-под козырька его дорожного картуза. Мы уже миновали Рединг, когда Шерлок Холмс наконец отправил последнюю газету под сиденье.

— Хорошо едем, — заметил мой друг, поглядывая на часы. — Вы, очевидно, уже наслышаны об убийстве Джона Стрейкера и исчезновении Серебряного?

— Да, я читал об этом в «Телеграф» и «Кроникл».

— Это одно из тех дел, при работе над которыми дедуктивный метод лучше применять для анализа уже известных фактов, чем для поиска новых. Случившаяся трагедия столь необычна и затрагивает интересы такого количества людей, что вызвала целую лавину подозрений и предположений. Самое трудное теперь — вычленить факты из шелухи умозаключений и догадок. Во вторник вечером я получил две телеграммы — от полковника Росса, владельца лошади, и от инспектора Грегори, который ведет это дело. Оба просят меня принять участие в расследовании.

— Во вторник вечером! — воскликнул я. — Но ведь сегодня уже четверг. Почему вы не поехали туда вчера?

— Потому что я совершил грубую ошибку, дорогой Ватсон... Боюсь, это случается чаще, чем думают те, кто судит обо мне по вашим рассказам. Я был уверен, что самого известного в Англии жеребца невозможно так долго скрывать, тем более в сельской местности. Вчера весь день я ждал, что скакуна найдут и его похитителем окажется убийца Джона Стрейкера. Однако сегодня утром мне стало известно, что, кроме ареста молодого Фицроя Симпсона, ничего не было сделано, и я почувствовал, что настало время действовать. Но вчерашний день не прошел зря. По крайней мере, я понял, какие факты в этом деле являются главными. Я перечислю их вам, потому что ничто так не способствует пониманию дела, как рассказ о нем другому человеку.

Я откинулся на подушки и, попыхивая сигарой, стал слушать Холмса, который в общих чертах набросал схему событий, приведших к нашей поездке.

— Конь по кличке Серебряный — потомок знаменитого Сомоми и ни в чем не уступает прославленному предку. Ему пять лет, и он уже несколько раз приносил своему владельцу, полковнику Россу, главный приз на скачках. До того как случилась катастрофа, он считался главным претендентом на Кубок Уэссекса. Серебряный был признанным фаворитом и никогда не подводил своих почитателей, которые ставили на него огромные суммы. В общем, нашлось бы немало людей, которые дорого бы дали за то, чтобы в следующий вторник Серебряный не вышел на дорожку ипподрома.

Разумеется, об этом догадывались и в Кингс-Пайленде, где находится конюшня полковника, поэтому фаворита охраняли очень тщательно. Его тренер, Джон Стрейкер, пять лет прослужил у Росса жокеем, затем семь лет тренером и проявил себя как нельзя лучше. Поскольку конюшня невелика, всего-то четыре лошади, под началом Стрейкера работали только три человека. Один из этих троих дежурил по ночам при лошадях, остальные спали наверху на сеновале. Все они хорошие работники, жалоб на них не было. Джон Стрейкер жил с женой в двухстах ярдах от конюшни на небольшой вилле. Детей у него не было; он держал служанку. Местность вокруг конюшни пустынная, но в полумиле к северу расположено несколько особняков, построенных каким-то подрядчиком из Тавистока для инвалидов и тех, кто приезжает подышать чистым дартмурским воздухом. Сам Тависток находится в двух милях к западу от Кингс-Пайленда, а за болотами, также на расстоянии около двух миль, расположена другая конюшня, принадлежащая лорду Бэкуотеру. Тамошнего управляющего зовут Сайлас Браун. Остальная округа — суцая пустыня, где обитает лишь горстка бродячих цыган.

В прошлый понедельник вечером с лошадьми, как обычно, провели тренировку, после чего заперли в конюшне. Двое работников отправились в дом тренера, где они обычно ужинали, а третий, Нэд Хантер, остался при лошадях. В начале десятого Эдит Бакстер, служанка, принесла ему ужин — кусок баранины в остром соусе. Ни капли спиртного — кроме воды, ничего другого дежурному пить не разрешается. Служанка прихватила с собой фонарь, потому что было уже довольно темно.

Эдит Бакстер оставалось пройти каких-нибудь тридцать ярдов, и тут из темноты появился и окликнул ее неизвестный мужчина. Когда он вступил в круг света, отбрасываемый фонарем, служанка увидела, что это солидный господин лет тридцати в сером твидовом костюме и матерчатой шапочке. На ногах у него были гетры, в руке — увесистая трость с набалдашником. Но больше всего Эдит поразили его бледность и озабоченное выражение лица.

«Скажите, где я нахожусь? — спросил мужчина. — Хорошо, что я заметил ваш фонарь, а то я уж решил, что придется спать на голой земле». — «Вы находитесь рядом с конюшней Кингс-Пайленд», — ответила служанка. «В самом деле? Какая удача! — воскликнул он. — Должно быть, там по ночам дежурит кто-нибудь из конюхов, а вы, значит, несете ему ужин? Послушайте, а не хотите ли заработать себе на новое платье? — Он достал из кармана жилета сложенный листок бумаги. — Передайте это конюху — и платье ваше».

Эдит Бакстер испугал вид этого мужчины, поэтому она, обойдя его стороной, побежала к окошку, через которое обычно передавала ужин. Оно было открыто, и Хантер сидел внутри за столом. Служанка начала рассказывать о незнакомце, и тут он появился собственной персоной.

«Добрый вечер, — сказал он, заглядывая в окно. — Я хотел бы с вами побеседовать». Девушка клянется, что в этот момент она заметила у него в руке маленький бумажный пакетик.

«Чего вы хотите?» — спросил конюх. «Хочу предложить вам немного заработать, — ответил мужчина. — На Кубок Уэссекса вы выставляете двух лошадей, Серебряного и Баярда. Скажите, кто из них, по-вашему, в лучшей форме, и не пожалеете». — «А, так вы явились сюда шпионить! — закричал конюх. — Сейчас я покажу вам, как у нас поступают с такими, как вы!» — Он вскочил и бросился в другой конец конюшни, а девушка побежала к двери, но по дороге оглянулась и увидела, что незнакомец просунул голову в окошко. Однако через минуту, когда Хантер выбежал с собакой на сворке, этого человека там уже не было. Конюх несколько раз обошел здание, но никого не обнаружил.

— Минутку, — перебил я Холмса. — Конюх, выбегая из конюшни, не запер за собой дверь?

— Неплохо, Ватсон! — кивнул мой друг. — Эта деталь тоже показалась мне настолько важной, что я вчера телеграфировал в Дартмур. Нет, конюх запер дверь. К тому же окошко слишком мало, чтобы через него можно было пролезть.

Хантер дождался возвращения ужинавших на вилле конюхов, после чего сообщил тренеру о случившемся. Стрейкера происшествие встревожило, хотя он, похоже, так и не понял его истинного значения. Миссис Стрейкер, проснувшись в час ночи, увидела, что ее муж торопливо одевается и собирается уходить. На ее вопрос он ответил, что беспокоится за лошадей и хочет проверить, все ли в порядке в конюшне. Тем временем пошел дождь, но Стрейкер, несмотря на уговоры жены, надел макинтош и ушел.

Проснувшись в семь, миссис Стрейкер обнаружила, что муж все еще не вернулся. Она оделась, позвала служанку, и они вдвоем отправились на конюшню. Дверь была открыта, внутри, скорчившись на стуле, сидел Хантер, загон фаворита был пуст, а тренера поблизости не оказалось.

Когда разбудили остальных конюхов, те заявили, что всю ночь спали крепко и ничего не слышали. Хантер же явно находился под воздействием какого-то наркотика, поэтому его оставили внутри, а двое мужчин и две женщины выбежали на улицу, чтобы найти пропавших. У них еще оставалась надежда, что тренер почему-то решил в столь ранний час вывести лошадь на тренировку. Однако, поднявшись на холм, с которого видны все окрестности, они заметили нечто такое, что натолкнуло их на мысль о том, что случилась беда.

В четверти мили от конюшни на кусте дрока висел макинтош Джона Стрейкера.

Сразу за кустом находится небольшое углубление, и на его дне лежало тело тренера. Голова Стрейкера была размозжена ударом какого-то тяжелого предмета, на бедре была рана — длинный порез, нанесенный чрезвычайно острым инструментом. Все указывало на то, что Стрейкер боролся с нападавшими, поскольку в его правой руке был зажат небольшой нож с лезвием, испачканным в крови. В левой руке тренер сжимал красно-черный шелковый галстук, который служанка видела на шее незнакомца, явившегося прошлым вечером. Хантер, придя в себя, также подтвердил, что видел этот галстук. Он

уверен, что незнакомец сумел подсыпать через окошко что-то в его ужин, в результате чего конюшня осталась без охраны. В грязи на дне впадины осталось множество конских следов, указывающих на то, что в момент убийства Серебряный был рядом со своим тренером, однако с тех пор его больше никто не видел. За любые сведения о лошади назначено большое вознаграждение, но несмотря на это фаворит как в воду канул. Исследование остатков ужина Хантера выявило содержание большого количества порошкообразного опиума.

Вот такие факты у нас на руках. Теперь я расскажу, какие шаги были предприняты полицией.

Инспектор Грегори, которому поручено это дело, — толковый офицер. Если бы природа одарила его еще и воображением, он мог бы достичь высот в своем деле. Прибыв на место происшествия, он первым делом разыскал и арестовал человека, на которого пало подозрение. Сделать это было несложно, поскольку живет он на одной из тех вилл, о которых я упоминал. Его зовут Фицрой Симпсон, он из приличной семьи, но проиграл все свое состояние на скачках и зарабатывал на жизнь, делая мелкие ставки в букмекерских конторах Лондона. В его записях нашлось подтверждение, что Симпсон сделал несколько ставок против фаворита на сумму пять тысяч фунтов. После ареста он подтвердил, что приходил в Дартмур, чтобы разузнать что-нибудь про лошадей в Кингс-Пайленде и Мейплтоне, где Сайлас Браун держит еще одного фаворита — Десборо. Подозреваемый не отрицает, что вечером накануне убийства вел себя именно так, как рассказали Эдит Бакстер и Хантер, но утверждает, что ничего плохого не совершил, а лишь пытался раздобыть какую-нибудь информацию о лошадях. Когда Симпсону предъявили галстук, он побледнел и не смог объяснить, как галстук оказался в руке убитого тренера. Мокрая одежда указывала на то, что во время ночного дождя Симпсон находился на улице, и его увесистая трость со свинцовой вставкой вполне могла быть тем оружием, которым нанесены удары, раздробившие череп Стрейкера. С другой стороны, на нем самом не было ни царапины, хотя кровь на ноже Стрейкера указывает на то, что он ранил нападавшего. Вот, пожалуй, и все, Ватсон.

Рассказ Холмса, как всегда, четкий и ясный, я выслушал очень внимательно. Хотя большинство фактов мне уже были известны, я все

еще не понимал, как связать их друг с другом.

— А что, если Стрейкер, — предположил я, — сам нанес себе рану во время конвульсий, которыми сопровождается травма черепа?

— Вполне вероятно, — сказал Холмс. — И это лишает подозреваемого одного из главных аргументов в его защиту.

— Но все равно мне неясно, какой версии придерживается полиция, — сказал я.

— Боюсь, что ни одна из них пока не может считаться правдоподобной, — вздохнул мой друг. — Полиция, насколько я понимаю, считает, что Фицрой Симпсон каким-то образом получил дубликат ключа от конюшни и, подсыпав наркотик конюху, увел лошадь из стойла, возможно рассчитывая получить за нее выкуп. Уздечка Серебряного тоже пропала, значит, Симпсон надел ее на жеребца, вывел его из конюшни и, не закрыв за собой дверь, повел через поле, где его нагнал тренер. Естественно, произошла стычка. Симпсон ударил Стрейкера по голове тростью, тот пытался защищаться ножом, но безуспешно. После этого похититель спрятал лошадь в укромном месте. Можно также предположить, что во время схватки Серебряный испугался и ускакал, и теперь бродит где-то в полях. Так полиция представляет себе это дело, и любые другие объяснения представляются еще более маловероятными. Но как только мы прибудем на место, я смогу сделать собственные выводы.

Уже начало смеркаться, когда мы прибыли в Тависток, небольшой городок, стоящий посреди Дартмурской равнины. На станции нас встречали двое мужчин: один высокий, голубоглазый, с копной светлых волос, бородой и цепким взглядом, второй — небольшого роста, поджарый, в щеголеватом сюртуке, с бакенбардами и моноклем в глазу. Первый оказался инспектором Грегори, второй — полковником Россом, владельцем конюшни Кингс-Пайленд.

— Я несказанно рад, что вы приехали, мистер Холмс, — сказал полковник, окинув нас внимательным взглядом. — Инспектор уже выбился из сил, пытаюсь разобраться в этом деле, но я не остановлюсь ни перед чем, чтобы отомстить за смерть несчастного Стрейкера и разыскать свою лошадь.

— Есть новости? — обратился Холмс к инспектору.

— К сожалению, нет, — развел руками блондин. — Нас ждет коляска, мы можем поговорить по дороге — ведь вы же наверняка захотите увидеть все сами еще до того, как стемнеет.

Через минуту мы вчетвером уселись в ландо, и колеса загремели по мощеным улочкам старинного девонширского города. Сыщик принялся с жаром рассказывать, как продвигается расследование. Холмс слушал его внимательно, лишь изредка перебивая уточняющими вопросами. Полковник Росс надвинул на глаза шляпу и откинулся на спинку сиденья, я же с интересом прислушивался к разговору профессионалов.

— Кольцо вокруг Фицроя Симпсона почти замкнулось, — наконец подвел итог Грегори. — Я практически уверен, что он — именно тот, кто нам нужен. Хотя прямых доказательств у нас по-прежнему нет.

— Что вы думаете по поводу ножа Стрейкера?

— Мы пришли к выводу, что тренер сам ранил себя при падении.

— Если все было именно так, это говорит не в пользу Симпсона.

— Ножа при нем не нашли, сам Симпсон не ранен. Масса улики указывает на его виновность. Во-первых, исчезновение фаворита ему выгодно, во-вторых, он подозревается в отравлении конюха, в-третьих, ту ночь, когда шел дождь, Симпсон несомненно провел на улице. Вдобавок тяжелая трость и галстук в руке убитого. Этого достаточно, чтобы Симпсон предстал перед судом.

Холмс покачал головой.

— Толковый адвокат не оставит от ваших обвинений камня на камне. Зачем Симпсону понадобилось выводить лошадь из стойла? Если он хотел ранить ее, это можно было сделать на месте. У него обнаружен дубликат ключа? Какой аптекарь продал ему опиум? И самое главное: этот человек плохо ориентируется в здешних местах. Где он мог спрятать лошадь? Что Симпсон говорит по поводу бумажки, которую он пытался вручить конюху?

— Утверждает, что это была десятифунтовая банкнота. В его бумажнике действительно нашлась такая купюра. Однако должен возразить: эта местность ему неплохо знакома. Летом Симпсон дважды снимал жилье в Тавистоке. Опиум он, вероятно, привез из Лондона. Ключ ничего не стоит выбросить по дороге, зачем ему лишняя улика.

Лошадь же, скорее всего, покоится на дне какой-нибудь заброшенной шахты.

— А галстук?

— Он признает, что это его галстук, но утверждает, что потерял его. Однако мы обнаружили нечто такое, что объясняет, зачем он вывел лошадь из конюшни.

Холмс насторожился.

— В миле от того места, где произошло убийство, в понедельник вечером останавливались цыгане. Во вторник они ушли. Если предположить, что между Симпсоном и цыганами существовал сговор, он вполне мог вести лошадь к табору, когда его настиг Стрейкер. Не исключаю, что Серебряный до сих пор у них. Мы прочесали всю равнину в поисках этих цыган. Кроме того, я лично осмотрел все конюшни и хозяйственные постройки в радиусе десяти миль.

— Тут недалеко находится еще и конюшня Мейплтон?

— Да, и это нельзя сбрасывать со счетов. Поскольку жеребец Десборо, принадлежащий лорду Блэкуотеру, считается вторым претендентом на Кубок Уэссекса, и сам лорд, и его управляющий Сайлас Браун заинтересованы в исчезновении Серебряного. Известно, что Браун уже сделал крупные ставки на предстоящий забег, да и со Стрейкером они были не в ладах. Впрочем, мы обыскали хозяйство Брауна, но не нашли ровным счетом ничего.

— И нет никаких доказательств того, что этот Симпсон действовал в интересах конюшни Мейплтон?

— Ни единого.

Холмс откинулся на спинку сиденья и прикрыл глаза. Через несколько минут коляска остановилась у небольшой чистенькой виллы из красного кирпича. Со всех сторон до самого горизонта виллу окружало холмистое поле, желтеющее увядающими травами. Вдалеке виднелась колокольня Тавистока, да несколько небольших строений на западе указывали местоположение конюшни Мейплтон. Мы выпрыгнули из коляски, лишь Холмс остался сидеть, погруженный в размышления. Только когда я коснулся его руки, он вздрогнул и порывисто шагнул на землю.

В глазах своего друга я заметил огонек — явный признак того, что он нащупал нить, хотя я и представить себе не мог, что натолкнуло его на

это.

— Может быть, вы хотите сразу отправиться на место преступления, мистер Холмс? — предложил Грегори.

— Я, пожалуй, немного задержусь здесь, хочу кое-что уточнить. Тело Стрейкера, очевидно, принесли сюда?

— Да, оно лежит наверху. Коронер завтра его осмотрит.

— Стрейкер несколько лет прослужил у вас, полковник Росс?

— Да, и я всегда считал его прекрасным работником.

— Надеюсь, вы осмотрели его карманы, инспектор?

— Все вещи, которые были найдены у него в карманах, находятся в гостиной. Можете на них взглянуть.

Мы вошли в дом и расселись вокруг стола в гостиной. Инспектор раскрыл жестяную коробку и высыпал перед нами кучку предметов. Мы увидели коробок восковых спичек, огарок свечи длиной два дюйма, курительную трубку, пол-унции нарезанного полосками плиточного табаку в кисете из тюленьей кожи, серебряные часы на цепочке, пять золотых соверенов, алюминиевый футляр для карандашей, несколько бумажек и нож с рукояткой из слоновой кости и очень тонким негнущимся лезвием, на котором стояло клеймо «Weiss & Co., London».

— Интересный нож. — Холмс поднес его к глазам и стал пристально рассматривать. — Очень тонкое лезвие, предназначенное для тонкой работы. Довольно странно, что человек, собираясь ночью идти на конюшню, решил захватить эту вещицу с собой. Тем более что нож мог прорезать его карман и выпасть.

— Кончик лезвия был защищен пробковой насадкой, которую мы нашли рядом с телом, — пояснил инспектор. — Жена Стрейкера говорит, что нож лежал на туалетном столике и он прихватил его с собой, выходя из комнаты. Как оружие, он никуда не годится, но лучшего у тренера просто не оказалось под рукой.

— Возможно. А что это за бумаги?

— Эти три листка — оплаченные счета от торговцев сеном. Это — записка с распоряжениями полковника Росса. А вот это — счет на тридцать семь фунтов пятнадцать шиллингов, выписанный модисткой мадам Лезурье с Бонд-стрит на имя Уильяма Дербишира. Миссис

Стрейкер говорит, что этот Дербишир был другом ее мужа и его письма порой приходили на их адрес.

— У мадам Дербишир изысканный вкус, — заметил Холмс, просматривая счет. — Тридцать семь фунтов за платье, только подумать! Самое время посетить место преступления.

Когда мы вышли из гостиной, из глубины коридора появилась женщина. На ее бледном лице застыло выражение недавно пережитого ужаса.

— Вы нашли их, инспектор? Поймали? — задыхаясь, проговорила она.

— Нет, миссис Стрейкер. Но из Лондона нам на помощь приехал мистер Холмс, и мы делаем все возможное.

— А ведь я недавно видел вас на одном приеме в Плимуте, миссис Стрейкер! — неожиданно обратился к ней Холмс.

— Нет, сэр. Вы ошибаетесь.

— Я уверен, что это были вы. На вас было серо-голубое шелковое платье, украшенное страусовыми перьями.

— У меня никогда не было такого платья, сэр, — покачала головой леди.

— Ну что ж, должно быть, я ошибся, — сказал Холмс и, извинившись, вышел из дома вслед за инспектором.

Пройдя немного по полю, мы оказались у впадины, на дне которой был обнаружен труп. На самом ее краю рос куст дрока, тот самый, на котором висел макинтош.

— В ту ночь ветра не было, правильно?

— Да, но лило как из ведра.

— Выходит, что макинтош не занесло ветром на куст, он был туда повешен.

— Верно, он был наброшен на ветки.

— Чрезвычайно интересно. И земля здесь основательно утоптана. Несомненно, с понедельника здесь побывало множество людей.

— Вон там, с краю, мы постелили взятую из дома ковровую дорожку и ходили только по ней. Здесь у меня в мешке ботинок Стрейкера и ботинок Фицроя Симпсона. К тому же я прихватил старую подкову Серебряного.

— Дорогой инспектор, вы превзошли себя! — Холмс взял мешок и, спустившись в ложбину, улегся на дорожке и принялся изучать истоптанную грязь. — Ага! — неожиданно воскликнул он. — Что это тут у нас? — Холмс аккуратно извлек из грязи наполовину сгоревшую восковую спичку.

— Не понимаю, как я мог ее не заметить, — озадаченно пробормотал инспектор.

— Неудивительно. Я и сам разглядел ее только потому, что надеялся найти.

— Как! Вы знали, что найдете здесь спичку?

— Я не исключал такой возможности.

Холмс извлек из мешка ботинки и стал сравнивать их подошвы с отпечатками на земле, после чего взобрался на край ямы и принялся ползать между кустами.

— Боюсь, вы больше ничего здесь не найдете, — крикнул ему инспектор. — Я внимательно осмотрел почву в радиусе ста ярдов.

— Что ж, — сказал Холмс, поднимаясь, — действительно, не имеет смысла проделывать это еще раз. Но я бы хотел прогуляться по долине, пока не стемнело, чтобы иметь представление о том, с чем придется столкнуться завтра. А подкову эту я, пожалуй, прихвачу с собой.

Полковник Росс, который до этого молча наблюдал за работой моего друга, нетерпеливо взглянул на часы.

— Инспектор, я бы хотел, чтобы вы вернулись со мной в дом, — сказал он. — Мне необходим ваш совет. В первую очередь меня интересует, должны ли мы вычеркнуть имя нашей лошади из списка участников состязаний...

— Ни в коем случае! — решительно воскликнул Холмс. — Я бы не стал этого делать.

Полковник слегка поклонился.

— Рад был услышать ваше мнение, сэр, — сказал он. — Когда закончите прогулку, приходите к дому несчастного Стрейкера, мы будем ждать вас там.

Полковник и инспектор удалились, а мы с Холмсом не спеша побрели по полю. Солнце уже коснулось крыш Мейплтона, и равнина сплошь окрасилась в красновато-золотистые тона. Однако мой друг не замечал этой красоты, поскольку с головой ушел в раздумья.

— Вот что, Ватсон, — наконец заговорил Холмс. — Оставим пока в покое Джона Стрейкера и его убийцу и попытаемся понять, что произошло с лошадью. Допустим, конь испугался и убежал. Но куда он мог податься? Лошади не могут жить вдали от человека, и, если бы Серебряный оказался на воле, он вернулся бы в Кингс-Пайленд либо направился в Мейплтон. Похитили ли его цыгане? Едва ли. Они не могли не понимать, что продать такую лошадь им не удастся. Похищение Серебряного не принесло бы им ничего, кроме неприятностей.

— Но где же он?

— Я уже сказал: либо в Кингс-Пайленде, либо в Мейплтоне. В Кингс-Пайленде его нет, следовательно, жеребец в Мейплтоне. Примем это как гипотезу и посмотрим, к чему это нас приведет. Видите ту лощину близ Мейплтона? В ночь с понедельника на вторник там должно было быть очень сыро. Если наше предположение верно, Серебряный там непременно побывал, и можно попытаться найти его следы.

Мы устремились вперед и уже через пару минут вышли к лощине. По просьбе Холмса я пошел по правому краю, а сам он двинулся по левому, однако не успел я пройти и пятидесяти шагов, как услышал его крик и увидел, что Шерлок Холмс машет мне рукой. Прямо у его ног на сырой почве был отчетливо виден след копыта. И подкова, которую он вытащил из кармана, в точности совпала с отпечатком.

— Видите, как важно для сыщика иметь развитое воображение, — усмехнулся Холмс. — Это единственное, чего не хватает Грегори. Пойдемте дальше.

Мы пересекли покрытое грязью дно лощины и около четверти мили шли по сухому дерну, пока земля снова не пошла под уклон и мы снова не увидели отпечатки копыт. Потом следы в очередной раз потерялись, но уже совсем недалеко от Мейплтона мы опять их увидели. Холмс с торжествующим видом указал на землю, где рядом с отпечатком подков виднелись следы человека.

— Но до этого лошадь бежала одна! — недоуменно воскликнул я.

— Совершенно верно. Постойте-ка, а это что такое?

Две цепочки отпечатков круто поворачивали в сторону Кингс-Пайленда. Холмс удивленно присвистнул, и мы двинулись по следу. По

чистой случайности я ненадолго отвел взгляд в сторону и, к своему удивлению, обнаружил те же самые следы, но ведущие в другом направлении — к Мейплтону.

— Очко в вашу пользу, Ватсон, — сказал Холмс, когда я указал ему на них. — Если бы не вы, нам пришлось бы гулять еще довольно долго. Идемте-ка по обратному следу.

Однако далеко мы не ушли. Следы обрывались у асфальтированной дорожки, ведущей к воротам конюшни Мейплтон. Как только мы подошли к воротам, навстречу выбежал конюх.

— Нечего тут шляться, проходите, проходите! — прикрикнул он на нас.

— Я просто хочу спросить, — сказал Холмс, многозначительно опустив в карман жилетки два пальца. — Если я загляну завтра в пять утра, смогу я поговорить с вашим хозяином или это слишком рано?

— Какое там рано, сэр, он спозаранку на ногах. Да вот и он, вы лучше у него спросите. Нет-нет, сэр, не надо; если он увидит, что я беру у вас деньги, я тут же лишусь места.

Не успел Шерлок Холмс сунуть обратно в карман полкроны, как из ворот показался немолодой мужчина. В руке он держал охотничью плеть.

— В чем дело, Доусон? — рявкнул он на конюха. — Нечего болтать с посторонними! Займитесь делом. А вы какого дьявола тут околачиваетесь? Что вам нужно?

— Дорогой сэр, не могли бы вы уделить нам несколько минут? Мы хотели бы с вами поговорить, — промолвил Холмс елейным голосом.

— Нет у меня времени чесать языком с бездельниками. Убирайтесь, или я спущу собаку.

Холмс подался вперед и шепнул что-то на ухо тренеру. Мужчина побагровел, его прямо-таки затрясло от гнева.

— Ложь! — загремел он. — Гнусная ложь!

— Поговорим об этом здесь или все-таки зайдем в дом?

— Ладно, проходите.

Прошло двадцать минут, и Холмс с тренером снова показались из ворот. Никогда еще я не видел, чтобы за столь короткое время человек менялся так, как изменился Сайлас Браун. Лицо его стало пепельно-

серым, на лбу блестел пот, плеть в руках тряслась, как ветка на ветру. Он семенил за моим другом, как собака за хозяином.

— Сделаю! Все сделаю, как вы сказали, — говорил Браун, заискивающе заглядывая Холмсу в глаза.

— Ошибки быть не должно, — сказал Холмс и строго посмотрел на тренера. Тот втянул голову в плечи.

— Нет-нет, как можно! Я буду на месте. Все пока оставить как есть?

Холмс ненадолго задумался и вдруг рассмеялся.

— Оставьте. Я пришлю вам указания. И смотрите, без фокусов, не то...

— Поверьте, я все сделаю!..

— Ну что ж, завтра я с вами свяжусь. — Холмс повернулся, и мы зашагали обратно в Кингс-Пайленд.

— Значит, лошадь все-таки у Брауна? — спросил я.

— Сначала он пытался выкрутиться, но когда я в точности описал ему его действия, он решил, что я видел все собственными глазами. Вы обратили внимание на необычные квадратные носки у тех следов, что мы видели? Его ботинки в точности им соответствуют. Я описал Брауну, как в то утро, встав по обыкновению раньше всех, он заметил чужую лошадь, разгуливавшую по равнине. Приблизившись, по белой отметине у нее на лбу он понял, что в его руки попал Серебряный — единственная лошадь, способная обогнать ту, на которую он поставил. Первым его движением было отвести коня обратно в Кингс-Пайленд, но потом, не совладав с искушением, он решил придержать его до конца состязаний, увел и спрятал в Мейплтоне. После моего рассказа Сайлас Браун думал только о том, как спасти свою шкуру.

— Но ведь его конюшню обыскивали!

— У человека, который столько лет имеет дело с лошадьми, на такой случай наверняка имеются свои приемы.

— А вы не боитесь оставлять здесь лошадь? Он же может с ней что-нибудь сделать.

— Теперь он будет беречь ее как зеницу ока. Браун прекрасно понимает, что надеяться на прощение он может лишь в том случае, если вернет лошадь в целостности и сохранности.

— Полковник Росс не производит впечатления человека, способного прощать.

— Не в полковнике дело. Я лицо неофициальное, поэтому сам решу, что ему рассказать. Вы заметили, что полковник разговаривал со мной надменно? Теперь я хочу немного позабавиться. Не говорите ему о лошади. Но все это, конечно же, ерунда по сравнению с главным вопросом: кто убил Джона Стрейкера? Поэтому мы с вами возвращаемся в Лондон вечерним поездом.

Слова моего друга поразили меня как гром среди ясного неба. С какой стати он решил прекратить столь успешно начатое дело? Я был так удивлен, что не проронил ни слова до самого дома Стрейкера. Полковник и инспектор дожидались нас в гостиной.

— Мы с доктором Ватсоном возвращаемся в столицу сегодня вечерним экспрессом, — с порога заявил Холмс.

От удивления глаза инспектора округлились, но полковник лишь презрительно скривил губы.

— Значит, вы поняли, что найти убийцу несчастного Стрейкера вам не удастся?

Холмс неопределенно пожал плечами.

— Здесь есть кое-какие сложности, — сказал он. — Но я склонен думать, что во вторник ваша лошадь выйдет на ипподром. У вас есть фотография мистера Стрейкера?

Инспектор вытащил из конверта карточку и передал ее Холмсу.

— Дорогой Грегори, вы предугадываете мои желания. Если позволите, я оставлю вас на минуту, мне нужно задать один вопрос служанке.

— Должен сказать, я разочарован в нашем помощнике, — проговорил полковник Росс, проводив взглядом Холмса. — По-моему, с его приездом мы не продвинулись ни на шаг.

— Однако он уверен, что ваша лошадь будет участвовать в забеге, — заметил я.

— Это его мнение, — пожал плечами полковник. — Мне было бы спокойнее, если бы конь стоял в своем стойле.

В это время Холмс снова вошел в комнату.

— Итак, джентльмены, — бодро воскликнул он, — теперь я готов ехать!

Когда мы уже уселись в экипаж, один из работников конюшни открыл для нас ворота. Холмс внезапно подался через борт и коснулся

рукава конюха.

— У вас в загоне несколько овец, — сказал он. — Кто за ними ухаживает?

— Я, сэр.

— В последнее время с ними не происходило ничего странного?

— Ничего особенного, сэр. Правда, трое начали хромать.

Этот ответ привел Холмса в восторг. Он потер руки.

— Поразительно, Ватсон, удача сама идет к нам в руки! — шепнул он мне и продолжал: — Грегори, советую вам обратить внимание на эту необычную эпидемию. Поехали!

Выражение лица полковника Росса сделалось еще более скептическим, но совет моего друга крайне заинтересовал инспектора.

— Вы считаете, это важно? — спросил Грегори.

— Чрезвычайно. И еще хочу обратить ваше внимание на поведение собаки в ночь преступления.

— Но она вела себя как обычно.

— В этом-то и заключается странность, — заметил Шерлок Холмс.

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ